

СТАНИСЛАВ КАДМЕНСКИЙ

Я ПОМНЮ...

Усполняется почти десять лет со дня смерти замечательного человека, выдающегося ученого и удивительного преподавателя Воронежского университета Исаака Борисовича Руссмана.

В жизни каждого счастливого человека обязательно появляются личности, которые не только играют существенную роль в формировании этого человека, но и становятся необходимыми ему практически во всей жизни. Именно такой личностью для меня был и останется навсегда Исаак Борисович Руссман.

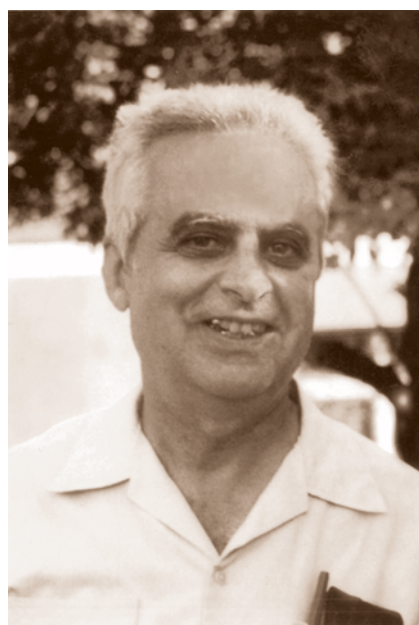
Он был единственным сыном замечательных людей, воплощавших в себе не только любовь к своему сыну, но и веру в его возможности. Мать и отец Изи с поверхностной точки зрения казались простыми добросовестными советскими служащими, но при более глубоком взгляде становилось ясно, что они несли в себе высокий заряд интеллектуальности и человечности. В доме Изи всегда было много книг, и они все были прочитаны. Я слышал, как разговаривали в этом доме. Здесь никогда не раздавались повышенные голоса и не проявлялась раздражающая мелочность. Эта семья была открыта общечеловеческим проблемам и проникнута духом доброжелательности.

Я учился в 7-й мужской средней школе, которая, по-видимому, в те годы была одной из лучших школ Воронежа. Она располагалась на Помяловском

спуске, а ее ученики жили в основном на улицах, примыкающих к Мясному базару (рядом с этим базаром жил и Изя) и спускающихся к реке Воронеж. Такие районы в Воронеже всегда считались достаточно хулиганскими. Но в то же время – возможно потому, что в школе был прекрасный коллектив учителей, а может быть и из-за вольнолюбивого духа ее учащихся – в ней было всегда очень интересно

учиться. Среди выпускников нашей школы оказалось много выдающихся людей. Достаточно сказать, что только из учеников моего и следующего через год за ним Изиного выпуска (а это около двухсот человек) вышло не менее десяти докторов и двадцати кандидатов различных наук.

В этой школе я и познакомился с Изей. Это случилось в школьном кабинете химии, когда я учился в седьмом, а Изя – в шестом классе. Дело в том, что наш замечательный учитель химии организовал кружок для учащихся младших классов, которые еще только подходили к изучению химии. Полки химического кабинета были заставлены не-

Исаак Борисович Руссман

считным количеством различных реактивов в колбах, пузырьках, бутылках, ящичках и т.д. Мы с Изей погрузились в волшебный мир химии, часто переходившей в настоящую алхимию из-за невероятного сочетания используемых нами химических препаратов. Мы изготовили более пятидесяти видов соединений, используемых для фейерверков, и восхищались огнями всех цветов радуги, которые мы зажигали во дворе школы. Я помню,

И. Руссман (второй справа)
и С. Кадменский (первый слева). 1954 год

как мы смонтировали действующий макет завода по производству соляной кислоты и как при испытании этого «завода» вся школа вынуждена была на пять часов покинуть помещения, пока не выветрится хлор, неожиданно произведенный нами.

В это время я впервые попал в дом Изи и на долгие годы стал его постоянным посетителем. Я написал слово «посетитель», а потом понял, что это слово не отражает реальной ситуации: фактически я стал близким другом его семьи. Мы вместе кушали, ходили в кино, театр, библиотеки, а летом я выезжал вместе со всей семьей отдыхать в снимаемую в Дубовке комнату.

Хотя я всегда учился отлично и много читал, дружба с Изей открыла мне совершенно новые горизонты. Я помню, как по моей просьбе Изя составил список писателей и поэтов примерно десяти стран мира (Россия, Франция, Великобритания, Германия, США и т.д.), книги которых, с его точки зрения, необходимо знать, чтобы иметь серьезное представление о культуре этих стран. Это было в восьмом классе, а к окончанию школы я практически полностью познакомился со всеми, кто был в этом списке. Например, по Англии я с интересом прочитал книги Чосера, Мильтона, Шекспира, Свифта, Байрона, Теккерея, Диккенса, Уайльда, Шоу, Голсуорси и других – т.е. почти все то, что обычно изучается на филологическом факультете университета. Голсуорси до сих пор остается моим любимым писателем. Изя привил мне любовь к читальным залам библиотек. Я помню зеленый абажур лампы на столе, тишину и погружение в мир новой книги... Где-то в пятьдесят первом году Изя впервые открыл для меня Александра Грина. Тогда он практически не издавался, и мы нашли «Бегущую по волнам» чуть ли не в журнале «Вокруг света».

Изя ввел меня в мир высокой поэзии. Вместе с ним мы полностью прочитали два достаточно емких тома Александра Блока, и до сих пор этот поэт

вместе с Пушкиным остается для меня символом самой высокой красоты слова. Я подготовил в школе серию вечеров под общим названием «Любовь в поэзии». Я пытался показать высокий мир любви в творчестве ряда выдающихся русских и зарубежных поэтов, включая и поэзию Маяковского. И опять же мой друг впервые познакомил меня с сонетами Сельвинского, некоторые из них сохранились в моей памяти до сих пор.

Изя помог мне расширить сферу знания и понимания классической музыки. Начиная примерно с девятого класса, мы стали регулярно посещать концерты воронежской филармонии. В старом здании филармонии на проспекте Революции нам посчастливилось услышать выдающихся исполнителей фортепьянной музыки – С. Рихтера, М. Гринберг, Э. Гилельса.

Уже в пятом классе Изя мечтал заниматься астрономией. Он изучил практически все выходявшие в то время популярные и даже некоторые более высокие, в научном смысле, книги по астрономии. Я же в то время мечтал исследовать мир атомных ядер и элементарных частиц. Я помню, как мы подробно прочитали некоторые из только что начавших появляться в то время книг по ядерной физике.

Где-то с восьмого класса мы начали интенсивно входить и в различные математические проблемы. Нам очень повезло – тогда еще молодой и яркий ученик М.А. Красносельский начал вести для школьников кружок по математике. В десятых классах я, а потом и Изя стали призерами областной математической олимпиады. Регулярные занятия математикой позволили нам приобрести друзей, которые в дальнейшем глубоко вошли в нашу жизнь. Борис Митягин, Толя Левин, Игорь Глобенко, Витя Ткачев, Владимир Любошиц – данный список можно было бы продолжить. Эти исключительно одаренные люди оказали существенное влияние на нас с Изей и

позволили нам понять, что означает божественный дар – быть настоящим математиком.

После окончания школы Изя попытался поступить в МГУ – одно из трех высших учебных заведений, где готовили астрономов, но ему не повезло: квота по «пятому пункту» для приема на это направление уже была выполнена. Изя поступает на физико-математический факультет ВГУ по специальности «Математика», на этом же факультете на специальности «Физика» учился и я.

Помню, как наши близкие, слыша наши свободные разговоры, не раз предупреждали о том, что язык до добра не доводит. Так и случилось. После венгерских событий 1956 года Изя очень неудачно высказался на семинаре по истории КПСС по поводу случившегося. Об этом немедленно были поставлены в известность партком и комитет комсомола университета. Нам, друзьям, чудом удалось экстренно созвать комсомольское собрание факультета, на котором Изя получил строгий выговор за неправильную полицейскую позицию, что и спасло его от отчисления из ВГУ. Нечто подобное произошло и со мной на пятом курсе, когда из-за достаточно резкого выступления на общеуниверситетском философском семинаре по проблемам статистической физики я не получил допуска для поездки в Институт атомной энергетики с целью выполнения дипломной работы. И все это происходило в момент хрущевской «оттепели»... Безусловно, мы с другом получили важные уроки понимания природы нашего общества. Но несмотря на это, в течение всей моей жизни, и особенно в период вхождения в политику как депутата Первого съезда народных депутатов России, я всегда получал идеологическую и, что гораздо важнее, моральную поддержку со стороны моего друга.

В университете Изя учился прекрасно. Руководителем его диплома был С.Г. Крейн – выдающийся математик, который вместе с М.А. Красносельским создал в Воронеже блестящую школу функционального анализа. Изя поступил в аспирантуру к Крейну и через три года защитил кандидатскую диссертацию по указанному направлению. В дальнейшем он продолжил работу в университете в качестве преподавателя – сначала на математическом факультете, а потом на факультете ПММ.

Основным направлением его научной деятельности было развитие новой, только что появившейся области науки – математической теории экономики. Изя очень увлекался кибернетикой и теорией информации и пытался использовать свои знания для построения нового направления, получившего в дальнейшем название экономической кибернетики. Им было введено в этом направлении несколько

принципиально новых понятий, например «квалитивная функция» и «трудность достижения цели». Не случайно, что моя дочь Светлана, окончившая ПММ, писала диплом у И.Б. Руссамна на тему «Финансовая деятельность в условиях риска».

Изя был блестящим лектором, не только глубоко знающим свой предмет, но и умеющим ярко и обобщенно поведать студентам о сути изучаемых явлений. Для меня он навсегда останется одним из самых эрудированных людей на свете. Фактически Изя был настоящим энциклопедистом: он мог ответить практически на любой вопрос в сфере литературы, искусства, политики, географии, истории, и т.д. Когда я прочитал книгу Д. Брауна «Код да Винчи», у меня появился ряд вопросов по поводу истории и природы чисел Фибоначчи, играющих важнейшую роль в формировании биологических структур и во многом определяющих наше эстетическое восприятие мира. Изя мне подробно рассказал о задаче с кроликами, которую решил итальянский ученый XII века Фибоначчи. Заметим, что позже я побывал во Флоренции в храме, где покоится этот ученый. В основе задачи лежала двоичная система размножения кроликов, приводящая к появлению указанных чисел. Про эти числа древние греки говорили, что они, безусловно, являются божественными. Я спросил его, а была ли решена задача с троичной и т.д. системами размножения. Его ответ был утвердительным, и он даже указал мне масштаб получившихся чисел. При этом он не заглядывал ни в какие справочники и энциклопедии.

Изя был увлеченным человеком. Все, что он делал, он делал со вкусом и искренним интересом. Его привлекал как мир науки, так и мир людей. Он обладал великолепным чувством юмора, хотя в его мироощущении временами проглядывало грустное чувство определенного пессимизма, столь свойственное мудрому и сострадающему человеку. Так трудно жить настоящему ученому и человеку в России в последние десятилетия! Он очень любил своих близких и делал все возможное для их счастья.

Люди типа И.Б. Руссамна уже одним своим существованием вносят яркий свет истины и глубокую веру в высокое предназначение человека в окружающем мире и, прежде всего, в мире людей, которым посчастливилось оказаться рядом с ними. У меня есть школьная фотография Изи, которую он мне подарил, с надписью: «Per aspera ad astra!». «Сквозь тернии к звездам!» – такова была жизненная программа Изи. Как жаль, что он не успел ее полностью реализовать. Поэтому нашей общей задачей является сделать все возможное, чтобы то прекрасное, что было связано с ним, навсегда сохранилось в наших сердцах!